

Л. Я. Гозман (Факультет психологии МГУ) отметил, что во всем мире национальная политика строится с учетом исследований и рекомендаций психологов. Он перечислил разнообразные темы, входящие в предмет психологии межнациональных, межгрупповых отношений. Это этнические стереотипы, национальное восприятие в конфликтных ситуациях, образ мигранта и эмигранта в обыденном сознании и т. д.

Г. Л. Х и т ь (Москва, Ин-т этнографии АН СССР) предложила содействие антропологов в разработке национальной проблематики - изучении роли межэтнического восприятия антропологических признаков в формировании этнических установок и стереотипов.

В конце заседания его участники получили отпечатанный проект программы ближайших встреч. Состоялись выборы Бюро секции. В него вошли: Е. Г. Андрущенко (ст. научный консультант Президиума Верховного Совета СССР, д. философ, н.), И. А. Гришаев (Ин-т этнографии АН СССР), Г. Ч. Гусейнов (Ин-т мировой литературы, к. филолог, н.), В. Ф. Енгальчев (РПИРЯЛ, Ташкент), И. И. Крупник (Ин-т этнографии АН СССР, к. и. н.), Л. В. Разумова (Ин-т социологии АН СССР), Г. В. Старовойтова (Центр по изучению национальных отношений, к. и. н.), В. А. Чаликова (ИНИОН, к. филолог, н.), Э. А. Чамокова (Фонд культуры, к. филолог, н.), И. В. Юхнева (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинградская часть, д. и. н.). И. И. Крупник и Г. В. Старовойтова были избраны сопредседателями секции «Социология национально-политических отношений».

В итоге обсуждения в программу работы были внесены небольшие изменения и дополнения. Первоочередными присутствующие сочли проблему Нагорного Карабаха, а также анализ зарубежного опыта правового регулирования национальных отношений. Перед участниками развернулась панорама неформальных организаций, как выражающих интересы отдельных этнических групп Советского Союза, так и содействующих установлению более гармоничных отношений между народами нашей страны.

Время покажет, какие виды деятельности возобладает в работе секции – исследовательская, консультативная или информационная. Пока акценты еще не расставлены. От того, какая линия станет основной, зависит и круг постоянных участников будущих заседаний.

Н. Я. Дараган, В. В. Коротева

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. И. Козлов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ

Основная (теоретическая) часть этой статьи была написана к концу 1987 г., но драматическое развитие национальных отношений между армянами и азербайджанцами из-за самоопределения Нагорного Карабаха, а также расширение движений за большую национальную самостоятельность в республиках Прибалтики вызвали желание доработать ее, сильнее приблизив теорию к практическим задачам решения национального вопроса. Со временем, однако, я понял, что такое благое намерение не может быть полностью реализовано, поскольку национальные отношения продолжают развиваться и видоизменяться, и попевать за конъюнктурой более приличествует журналистике, нежели науке. Наука должна помогать политике (в данном случае — национальной политике), оставаясь при этом ее мудрой сестрой, а не послушной служанкой, как нередко случалось в прошлом и приносило вред как науке, так и политике.

Завершению моих размышлений отчасти способствовала и публикация статьи С. В. Чешко о национальном вопросе в СССР почти не обремененной цитатами из работ классиков марксизма-ленинизма и ссылками на современные «авторитеты» в области национальной проблематики. В этой статье есть оригинальные интересные идеи, вместе с тем в ней встречаются и отдельные спорные утверждения, обусловленные односторонним подходом к проблеме; с теми и другими можно соглашаться и спорить относительно свободно, но боюсь, что

многим читателям, привыкшим к солидной аргументации, такой диалог покажется легковесным. Разработка национального вопроса имеет прямые выходы в национальную политику, а всякая политика связана с определенной идеологией. В данном случае приходится считаться с фактом существования огромной литературы по национальному вопросу, методологически основанной (по крайней мере внешне) на идеологии марксизма-ленинизма, с использованием высказываний ее создателей. Можно установить, конечно, что национальная (этническая) терминология, употреблявшаяся классиками марксизма-ленинизма в прошлом, не вполне совпадает с современной и что по этой причине, а также в силу изменения исторической ситуации какие-то их высказывания не вполне приложимы к современности; можно доказать, что тот или иной наш автор приводит некоторые высказывания классиков марксизма-ленинизма некорректно, выпячивая частное и игнорируя концептуальное, но мне представляются в принципе недостаточными попытки создать новые прагматические концепции как бы на чистом месте, исходя из конъюнктуры и того «здорового смысла», который обычно не видит альтернатив. Поэтому в дальнейшем мне придется не раз обращаться и к концептуальным положениям марксизма-ленинизма.

И еще одно предварительное замечание. После возведения статьи И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (в первом разделе которой было дано определение понятия нации) в ранг «крупнейшего», как сказано в его краткой биографии, «выступления большевизма по национальному вопросу на международной арене», появилась установка, а со временем и продолжающаяся до сих пор «традиция» неразрывно соединять теорию нации с теорией национального вопроса. В действительности же — это две связанных, но относительно самостоятельных теории. «Национальный вопрос» вошел в марксистско-ленинскую литературу как вопрос о месте и роли национальных факторов в революционной борьбе трудящихся за социализм и коммунизм и о гармонизации с этой целью национальных отношений. Поэтому теория национального вопроса имела в основном практически-политическую направленность. Основные компоненты этой теории, охватывающие национальные или этнические общности (как их теперь называют) классовых формаций, были разработаны классиками марксизма-ленинизма. Что же касается теории нации как исторической общности людей, то она относится к этносоциологическим теориям, научная разработка которых в СССР развернулась по существу лишь в последние десятилетия².

В работах классиков марксизма-ленинизма имеются высказывания о сущности нации, но они не оставили нам четкого определения нации и нередко употребляли этот термин в расширенном смысле, близком к понятию «народ»; именно такое значение этот термин имеет, например, в известном тезисе о праве наций на самоопределение³.

Относительная самостоятельность теории нации и теории национального вопроса — достаточно очевидна, если учесть, что самое точное определение нации может сочетаться как с более, так и с менее правильными путями решения национального вопроса, в том числе и с националистической политикой, превозносящей одну нацию над другими. Кстати сказать, сталинская концепция нации не нашла заметного применения при решении национального вопроса после 1917 г.; при создании национальной государственности для туркмен или, скажем, бурят никто, кажется, не проверял, отвечают ли они всем четырем обязательным по Сталину признакам нации. А разработка теории нации нашими обществоведами (преимущественно философами), ограничивавшаяся долгое время расширенным комментированием положений Сталина, во многом сводилась к созданию псевдотеории, не имевшей выхода в практику. Что же касается теории национального вопроса, то она почти не разрабатывалась до последнего времени из-за сложившегося убеждения будто бы национальный вопрос в СССР уже давно решен, а какие-то возникающие частные проблемы национальных отношений могут решаться административным путем без применения теории.

Необходимый глубокий анализ национальных проблем заменялся, как отметил М. С. Горбачев, трактатами «засправного» характера в честь дружбы советских народов⁴; большое внимание в последние два десятилетия уделялось показу растущей крепости «советского народа» как интернациональной общности всех советских народов. Однако жизнь приносила и приносит все новые и новые факты нерешенности национальных проблем как в СССР, так и в других многонациональных социалистических странах, и разработка национального вопроса весьма актуальна.

Подходя к национальному вопросу исторически, как всегда рекомендовал В. И. Ленин, следует отметить, что он определился в начале XIX в., хотя крупные нации стали формироваться в странах Западной Европы значительно раньше — по Ф. Энгельсу еще в XV в. в ходе возникновения централизованных государств на базе сравнительно однородного в языковом отношении населения⁵. Впрочем, создание таких национальных государств, хотя и присоединяло к признаку общности языка и территории определенную общность хозяйственной жизни, а также расширило употребление объединяющих названий типа «французы» (наряду с еще сохранявшимися региональными — «гасконцы», «пикардийцы» и др.), не означало еще окончательного становления нации. Для этого требовалась «субъективизация» такой общности, развитие ее сознания и самосознания. Этот процесс, обусловленный распространением образования на родном языке (вместо употреблявшейся с этой целью латыни), созданием и развитием национальной литературы, разработкой национальной истории и обращения общественных деятелей к национально-культурным ценностям, потребовал времени и был связан с развитием капитализма. В своей завершающей стадии он особенно ярко проявился во Франции в годы буржуазной революции конца XVIII в., когда термин «нация» стал означать государство и народ как политическую цельность и противопоставлялся понятию «король», прежде олицетворявшему государство, а теперь ставшему лишь «службой нации». Собрание представителей сословий — Генеральные штаты — превратилось в Национальное собрание, и в битве при Вальми новая революционная армия впервые пошла в атаку с возгласами «Да здравствует нация!». Деятели Французской революции, кстати сказать, был пущен в оборот термин «национализм» для обозначения преданности своей нации без того отрицательного смысла, который мы теперь в него вкладываем. Был сформулирован «принцип национальности», который собственно и лег в основу первой трактовки национального вопроса; согласно ему каждый народ суверенен и имеет право на образование своего национального государства⁶. Идеи Французской революции, как известно, оказали сильное влияние на последующее общественно-политическое развитие других стран; в частности, они, наряду с другими факторами, явно способствовали политическому объединению Италии и Германии, а также развитию национальных движений в тех полиэтнических государствах, где социально-экономическое и культурное развитие этносов ставило на повестку дня достижение ими национальной государственности. Ведущую роль в этих движениях играли национальная буржуазия и интеллигенция.

Творцы научного коммунизма — К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли основное внимание социально-политической ситуации в экономически развитых странах Европы, где обострение противоречий капиталистического способа производства и обострение классовой борьбы должно было, по их мнению, уже в ближайшем будущем создать условия для успешной пролетарской революции и перехода к строительству коммунизма. Но как раз в этих, этнически более или менее однородных странах национальный вопрос уже был в значительной степени решен буржуазно-демократическим путем или, во всяком случае, отступал на задний план перед классовым. Правда, при анализе взаимоотношений англичан

с ирландцами, К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули тезис, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы,— и придали ирландскому вопросу относительно самостоятельное значение, однако в большинстве других случаев национальный вопрос в их работах подчинялся общему вопросу борьбы за диктатуру пролетариата. Уничтожение эксплуатации человека человеком в сфере производства должно было, по их мнению, привести к ликвидации имеющегося национального неравноправия. Считалось, что в условиях капиталистической эксплуатации рабочие различной национальной принадлежности «не имеют отечества» и должны создавать интернациональные союзы для борьбы против международных союзов капиталистов.

Ситуация в многонациональной России начала XX в. требовала дальнейшей разработки национального вопроса. В. И. Ленин развил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса об исторической тенденции и экономической основе образования национальных государств. «Во всем мире,— писал он,— эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе... Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения»¹. Вместе с тем В. И. Ленин отметил, что такая тенденция, связанная с опорой поднимающейся буржуазии на свой национальный рынок, охраняемый государством, исторически ограничена начальным этапом капитализма. Он указывал: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»⁸.

Каждая из определенных В. И. Лениным тенденций в национальном вопросе предполагала свой путь его решения: первая — соблюдение «принципа национальности», создание условий для формирования национальной государственности; вторая — создание условий для межнациональной интеграции, для сближения и слияния наций. Первый путь, как ясно из изложенного выше, объективно создавал условия для раннекапиталистического развития, а обеспечение этого пути являлось задачей буржуазно-демократической революции. В многонациональной Российской империи, названной В. И. Лениным «тюрьмой народов», приближение такой революции ощущалось еще в конце XIX в. Поэтому РСДРП, стремившаяся к объединению трудящихся всех национальностей в борьбе за пролетарскую революцию, включила в свою Программу (1903 г.), наряду с тезисом о всеобщем избирательном праве, о свободе слова и другими требованиями буржуазно-демократических свобод, и тезис о праве наций на самоопределение вплоть до политического отделения и образования самостоятельного государства. В. И. Ленин специально отметил, что национальная программа марксистов (в данном случае — РСДРП) «...относится к буржуазно-демократическим национальным движениям»⁹.

Включение в Программу РСДРП тезиса о праве наций на самоопределение вызвало некоторые возражения. Полемизируя в связи с этим с Розой Люксембург, В. И. Ленин в специальной статье «О праве наций на самоопределение» (1914 г.), сравнив это право с демократическим правом на развод, указал, что его непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения

той или иной национальности. Крупное государство, как считал В. И. Ленин, во многих отношениях гораздо предпочтительнее нескольких мелких: «Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций»¹⁰.

Гибкость позиции В. И. Ленина, который, отстаивая право наций (народов) на самоопределение, вплоть до политического отделения и образования самостоятельного государства, отнюдь не ратовал за практическое осуществление этого права, вполне понятна, ибо речь шла о России, где, как и в других многонациональных государствах, по В. И. Ленину, нации «...связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»¹¹. Нетрудно понять, что В. И. Ленин в то время был в принципе сторонником решения национального вопроса с учетом его второй тенденции, характерной для развитого капитализма, «идущего к своему превращению в социалистическое общество». Развитие российской экономики, — считал он, — неизбежно сплывает живущие в одном государстве национальности, ломает «застарелые» национальные перегородки, приводит к территориальному смешению национальностей в городах и промышленных районах, все более отодвигая национальный вопрос на задний план: «В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»¹². Всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, — подчеркивал В. И. Ленин, — с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм¹³.

Следует особо отметить мысли В. И. Ленина о том, что победа социалистической революции должна привести к дальнейшему усилению тенденции сближения и слияния наций. «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями...»¹⁴. «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»¹⁵. Сказанное, вероятно, не следует истолковывать в смысле полной нивелировки при социализме прежних этнических (языково-культурных) различий; из-за неоднородных природных и других условий жизни людей региональные культурные различия будут существовать всегда; В. И. Ленин считал, что падение всех и всяких национальных перегородок не уменьшит, а в «миллионы раз» увеличит «дифференцирование человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни...»¹⁶. Но это означало, что уже в ходе развития социализма национальный вопрос, как таковой, может быть решен полностью на определенном этапе слияния наций и снят с повестки дня.

Развитие второй — интегрирующей — тенденции в национальном вопросе В. И. Ленин, как уже отмечалось выше, считал исторически закономерным явлением. О том, каким образом пролетарская партия может содействовать прогрессу в этом отношении, В. И. Ленин говорил мало, ограничиваясь заявлениями о необходимости достижения равноправия наций (народов), о том, что пролетариат должен поддерживать «все, помогающее стиранию национальных различий, ... все, ведущее к слиянию наций»¹⁷, и т. п. Тем не менее, его дореволюционные высказывания по данному вопросу складываются в цельную логическую концепцию, четко отражающую исторические закономерности развития национальных и шире — этнических явлений. Однако в нашей литературе по национальной тематике эта ленинская концепция по существу игнорировалась.

Основной причиной этого, видимо, было то обстоятельство, что практика решения национального вопроса пошла в русле первой — разделяющей — тенденции путем претворения в жизнь тезиса о праве наций на самоопределение, вошедшего в принятую почти сразу же после Великой Октябрьской революции 1917 г. «Декларацию прав народов России».

Переход от идеи борьбы против всего, что мешает сближению и слиянию наций к практике разделения наций по «своим» союзным и автономным республикам, от негативного отношения к федеративной форме государства к более свободной союзной форме требует своего объяснения, могущего составить предмет особой статьи. Насколько можно понять (прямых разъяснений на этот счет у В. И. Ленина нет), практическое решение большевиками национального вопроса в русле его первой тенденции было во многом обусловлено незавершенностью буржуазно-демократических преобразований в России после свержения царизма. Временное правительство декларировало национальное равноправие, признало независимость Польши, занятой в то время германскими войсками, а позже декретировало автономию украинской Центральной Рады, но этим по существу и ограничилось. Между тем, общий дух либерализации, распространившийся по многим национальным областям, при некотором ослаблении центральной власти, способствовал возникновению различных национальных организаций и движений как с общекультурной, так и с политической направленностью, причем не только автономного, но и сепаратистского типа; ведущую роль в них обычно играли буржуазные (преимущественно мелкобуржуазные) слои и национальная интеллигенция.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что национально-государственное строительство в Советской России развернулось в тяжелые годы гражданской войны. В некоторых частях страны, где находились германские войска (например, в Прибалтике), или откуда были выведены демобилизованные части российской армии (например, в Закавказье), усилились национально-сепаратистские тенденции. Осуществление Советским правительством права народов на самоопределение (в то время как почти все контрреволюционные силы ратовали за «единую и неделимую» Россию) позволяло нейтрализовать или привлечь на свою сторону многие национальные группы. В ходе разгрома основных контрреволюционных сил или сразу же после этого осуществлялась задача утверждения в национальных областях Советской власти и усиление в них влияния интернационалистической партии большевиков при сохранении возникших национальных автономий.

Вероятно, были и какие-то другие причины решения национального вопроса в русле его исторически первой тенденции, но так или иначе национальное строительство после 1917 г. быстро развивалось. В первом советском правительстве был организован специальный Комиссариат по делам национальностей во главе с И. В. Сталиным, курировавший это строительство. Возможно, что среди некоторых народов, почти не имевших своей национальной буржуазии, интеллигенции и отрядов рабочего класса, тенденция к созданию собственной государственности побуждалась директивами Наркомнаца. Национально-территориальное размежевание во многих случаях осуществлялось не по принципу преобладания той или иной национальности, а с учетом экономических и других факторов; достаточно показательна в этом отношении история создания автономии для башкир вначале в виде «Малой Башкирии», а затем в более широких границах с присоединением районов, большинство жителей которых составляли русские. Для национальных групп, оказавшихся вне своих автономий, создавались национальные районы и сельсоветы. Окончательная форма Советского многонационального государства вызвала, как известно, споры, в которых Сталин и его сторонники выступали за федерацию, а В. И. Ленин, поддержанный большинством членов ЦК и ВЦИК, — за союз национальных республик.

В день открытия I Общесоюзного съезда Советов, провозгласившего создание Союза Советских Социалистических Республик (30.XI.1922 г.), В. И. Ле-

нин, возмущенный грубым поступком Орджоникидзе в Грузии, диктует письмо-статью «К вопросу о национальностях или об «автономизации» — по существу единственное специальное выступление его по национальному вопросу после 1917 г. Основная идея этого небольшого произведения сводится к необходимости борьбы против рецидивов великорусского шовинизма (в том числе и в области языковой политики), за подлинное равенство наций; при этом «... не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить Союз Советских Социалистических Республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных (очевидно, республиканских — В. К-) наркоматов»¹⁸. Т40 этот тезис отражал возможность, а не необходимость такой меры, и до реализации его в то время дело, как известно, не дошло.

Создание для крупных народов страны национальных республик союзного и автономного типов (различие между теми и другими было закреплено конституционно) расценивается почти всеми нашими авторами как стержень ленинской (ранее она называлась «ленинско-сталинской») национальной политики, способствовавшей прогрессу народов, ранее отстававших в своем социально-экономическом и культурном развитии. В действительности национальная государственность как таковая способствовала главным образом модернизации социальной структуры соответствующих народов и развитию национальной сферы в ее языково-культурной форме: сюда относится коренизация управленческого аппарата, т. е. создание национальных административно-бюрократических кадров, расширение функций национальных языков, развитие национальной литературы и искусства, формирование и умножение новой национальной интеллигенции и национальных отрядов рабочего класса и т. д. Что же касается экономического развития, то оно имело больше общегосударственный и интернациональный, нежели национальный характер. Экономические связи не совпадали с этническими, на фабриках и заводах трудились бок о бок рабочие и служащие различных национальностей; дотации из союзного бюджета обычно нацеливались на объекты общегосударственного значения, будь то Донбасс в Украинской ССР или Магнитогорск в Челябинской области РСФСР, а не на поощрение экономического развития отдельных национальностей; одним из немногих исключений были малочисленные народности Севера, имевшие преимущества по налогообложению, по видам занятий и т. п.

Уместно заметить также, что национальная политика (как в сущности и любая другая) во многом диалектична: наряду с позитивными результатами той или иной политики, в ходе ее осуществления почти неизбежно возникают какие-то негативные явления. Для уменьшения или устранения последних требуется какая-то новая политика, которая, в свою очередь, может дать и негативные результаты, и т. д. В связи с этим еще раз напомним, что создание национальных республик означало лишь реализацию тенденции в национальном вопросе, характерной по В. И. Ленину для стадии развивающегося капитализма. История дает много примеров того, как в ходе реализации такой тенденции буржуазия в конкурентной борьбе старается опереться на свою национальность (распространяются, например, призывы покупать только у своих торговцев и т. п.). Национальные призывы воспринимаются и умножаются значительной частью национальной интеллигенции, особенно ее гуманитарными слоями, тесно связанными с национальным языком, историей, литературой и искусством, и также использующими эту связь в конкурентной борьбе с инациональной интеллигенцией, могущей проникнуть на ее территорию. Действия этих двух высших групп капиталистического общества зачастую встречают поддержку снизу, со стороны трудящихся масс, которым по мере демократизации жизни становится отнюдь не безразличны судьбы национального отечества. Социализация людей с раннего детства происходит обычно в определенной этнокультурной среде, что приводит к естественному этноцентризму, т. е. к оценке всего

иноэтнического через призму приобретенных этнокультурных ценностей и установок. Под действием направленной пропаганды через систему образования, средств массовой информации, литературу и искусство такой этноцентризм может превратиться в буржуазный национализм, возвышающий свою нацию над всеми другими, призывающий к прекращению классовой борьбы во имя достижения «общенациональных» целей и противостоящий по своей сути пролетарскому интернационализму.

Сформировавшись и окрепнув на стадии раннего капитализма, национально ориентированная парадигма продолжает бытовать и на стадии развитого капитализма, «ломающего национальные рамки»; сохраняются и возможности использования ее в националистических целях. Последнее было убедительно продемонстрировано гитлеровским «национал-социализмом», сумевшим за сравнительно короткий срок превратить большинство жителей Германии, еще недавно в значительной степени воспринявших, казалось, интернационалистические идеи коммунистической и социал-демократической партий, в базу оголтелого воинства, стремившегося во имя господства германской нации поработить или истребить другие народы.

Существование в Советском Союзе установок на развитие принципов интернационализма (что сочеталось с деятельностью III Интернационала) препятствовало, конечно, проявлению негативных потенций национальной государственности в их открытой форме. Приходится, однако, признать, что такие потенции появлялись и продолжали существовать в скрытой форме, выражаясь в признании некоторых преимуществ, которые имеет та или иная национальность на территории «своей» республики. Предсказанный В. И. Лениным процесс сближения и слияния наций при социализме, после разделения наций по их республикам, естественно, осложнился и замедлился; он требовал для своего развития каких-то специальных мероприятий в области национальной политики, которые, так или иначе, были связаны с ослаблением национальной государственности, а это вызывало возражения.

Расхождения между концепцией В. И. Ленина о полном решении при социализме национального вопроса в духе его второй — интеграционной или интернациональной — тенденции и фактическим развитием национальной ситуации в стране в духе первой — национально-разделительной — тенденции, поддержанной им самим же, но не получившей в послереволюционные годы должной теоретико-концептуальной разработки, не дают возможности адекватно оценить решение национального вопроса в сталинский период. Есть основания считать, что Сталин стремился к созданию мощного централизованного государства, способного противостоять капиталистическому окружению. Он жестоко расправлялся с реальными и кажущимися проявлениями национализма, ограничил prerogatives союзных республик, сведя их в ряде случаев к полномочиям автономных республик. Получившее в то время распространение определение, по которому сущность национальной культуры сводилась к ее «форме» при общем, якобы, ее «социалистическом содержании», было также направлено на умаление роли национального в жизни людей. Прекратили свое существование национальные районы и сельсоветы. Вместе с тем, проводились и мероприятия противоположного характера. В резолюции XIII съезда ВКП (б) по национальному вопросу на первый план была выдвинута задача борьбы с «пережитками великорусского шовинизма»¹⁹, что наряду с позитивным действием, из-за игнорирования опасности местного национализма объективно способствовало и ослаблению цементирующей роли русских, живущих в различных национальных республиках. При Сталине закрепилась практика предоставления нерусским национальностям льгот для получения высшего образования в местных и центральных учебных заведениях, при занятии престижных и хорошо оплачиваемых должностей в соответствующих национальных республиках и т. д., что не вполне соответствовало принципам национального равноправия. Важным средством осуществления национальных

привилегий стала введенная в начале 1930-х гг. система паспортов с отметкой о национальности, а также графа о национальности в различных служебных анкетах («пятый пункт»).

Принято считать, что проводившаяся в то время национальная политика выдержала испытания в суровые годы Великой Отечественной войны. Действительно, люди различной национальности в чрезвычайных обстоятельствах общей смертельной опасности дали многочисленные примеры интернационализма и советского патриотизма. Наряду с этим, в предвоенные и послевоенные годы значение фактора национальной принадлежности в ряде случаев усилилось; по этому признаку, как известно, проводились по существу поголовные репрессии против немецких граждан страны и против народов, обвиненных в сотрудничестве с гитлеровцами. В послевоенные годы сталинская кампания против «безродных космополитов», а также акции против еврейского населения (трагическое развитие которых было прервано лишь смертью Сталина), несомненно, способствовали развитию национальных, а возможно и националистических, чувств.

В послесталинский период и особенно в годы «застоя» развитие национальных отношений также шло неоднозначно. С одной стороны, развитие экономики вело к расширению межнациональных контактов. Продолжались массовые межрегиональные миграции, главным образом из РСФСР в южные, отстававшие в своем экономическом развитии республики, для работы на создаваемых там промышленных предприятиях, в районах разработки полезных ископаемых или освоения новых земель и т. п. Это приводило к территориальному смешению национальностей, к национально-смешанным бракам и другим проявлениям межнациональной интеграции. По материалам проведенных в 1970-х гг. этносоциологических обследований получалось, что большинство молдаван, грузин, узбеков и эстонцев относятся безразлично к национальной принадлежности брачного партнера, к национальному составу своего производственного коллектива, положительно относятся к работе в многонациональном коллективе и т. п.²⁰. Распространилась, как уже отмечалось выше, официальная концепция о сложении в СССР новой интернациональной общности людей — «советского народа»..

С другой стороны, стали умножаться неофициальные, так сказать, свидетельства дальнейшего развития «национального», особенно в его национально-республиканской форме с некоторым ущербом для развития интернационального, общесоветского. Восторжествовала парадигма, по которой дальнейший прогресс советского общества мыслился только в такой национальной юрме. Ленинский тезис о возможности сближения и слияния наций при социализме был как бы «забыт» и заменен тезисом о «расцвете и сближении» советских наций, понимаемом как усиление дружбы между равноправными нациями, укрепляющими свою языково-культурную и другую специфику. Для одкрепления равноправия наций был взят курс на их выравнивание в социально-классовом отношении, не учитывавший традиционных особенностей хозяйственного развития в различных природных условиях и отчасти сводившийся к переводу колхозов в совхозы с довольно искусственным повышением зачет этой доли «рабочих» и «служащих» в структуре соответствующих наций. Сохранились привилегии для поступления нерусских национальностей в центральные высшие учебные заведения и в аспирантуру, а для окончивших IX — привилегии по служебному продвижению в «своей» национальной республике. В начале 1970-х гг. было принято более четкое постановление, согласно которому при получении паспорта юношами и девушками выбор национальности проводится фактически по генетическому принципу — по национальности родителей (или одного из них), а не по самосознанию. Таким образом, в то время как социально-классовая стратификация становилась все более гибкой и подвижной, национальная стратификация граждан СССР стала более жесткой, сильнее формализуя и некоторые национальные привилегии.

Усиление упора на «национальное» было во многом вызвано усилением деятельности умножившейся национальной «обществоведческой» интеллигенции, в том числе ее высших «научных» (часто, к сожалению, полунучных) кадров, укрепившихся в республиканских академиях наук и высших учебных заведениях. Интересы многих из них были ограничены рамками своей республики и своего народа, ссылками на принадлежность к которому они оттесняли инонациональных конкурентов; в их книгах обычно восхвалялась история и различные исторические деятели своего народа, удревнялось его происхождение и т. п. В аналогичном направлении действовали национальные работники в области искусства и писатели, особо подчеркивавшие непреходящее значение национального языка и культуры; в республиках Закавказья национальные языки получили статус «государственных». Различная трактовка исторических событий нередко приводила к конфликтам между учеными соседних республик: чуваша спорили с татарами из-за «булгарского наследия», армяне — с азербайджанцами из-за этнического облика древней Кавказской Албании и т. д. Проникая в массы через школьные учебники и средства массовой информации, произведения литературы и искусства, национальные идеи в сочетании с естественным этноцентризмом, могли приобретать и нередко приобретали националистические оттенки возвышения своей нации над другими.

Следует особо отметить, что в период «застоя» руководители некоторых союзных республик (особенно в Средней Азии), заручившись тем или иным способом (путем дутых обязательств, лести, ценных подарков и т. п.) покровительством Центра, старались превратить свои республики в некие княжества, состоящие из вассальных областей или районов с местными полуфеодалами. Развивавшаяся на этой основе система иерархической круговой поруки корумпированных государственных и партийных чиновников имела, как правило, национальный облик и также способствовала росту местного национализма, отчетливо проявившегося, например, в Алма-Ате после смены первого секретаря ЦК компартии республики. Подкрепляющие его рассуждения сводились к тому, что наша, дескать, энская республика законно принадлежит нам, людям энской национальности, на ее территории мы имеем преимущества перед другими живущими здесь национальностями, а если им это не нравится, то они могут переселиться на территорию «своих» республик и пользоваться там законными правами «хозяев». Языково-культурные и другие права национальных меньшинств фактически не соблюдались. Упраздненные многочисленные национальные районы и сельсоветы не были восстановлены; через систему образования сильнее внедрялся язык «коренных» наций. Некоторые сравнительно небольшие этнические группы (например, талыши и таты в Азербайджане) подвергались искусственной ассимиляции: их просто причисляли к преобладающей нации. Оказавшись в неравноправной ситуации, будучи оттесненными от престижных или доходных занятий, «некоренные» национальности, в том числе русские, были вынуждены мигрировать из некоторых инонациональных республик обратно в РСФСР.

Закономерный для такой ситуации рост национального (а не интернационального) сознания, национальных (а не интернациональных) чувств в той или иной степени прикрывался показным интернационализмом, а иногда и фальсифицированными данными; в Узбекистане, например, перепись населения 1979 г. была проведена таким образом, что по проценту лиц, свободно владеющих русским языком, как основным языком межнационального общения, узбеки сравнивались с украинцами, что явно не соответствовало действительности. В обществоведческой литературе четкие ленинские идеи о прогрессивности расширения интернационального за счет национального стали заменяться туманными рассуждениями о некоем «единстве» интернационального и национального, о том, что интернациональное, якобы, входит в национальное, причем роль последнего постепенно возрастает. Так, известный философ М. И. Куличенко писал: «Жизнь убедительно опровергла мнение, получившее распростра-

нение среди части исследователей, о том, что интернациональное будет утверждаться путем умаления роли и значения национального. Диалектика жизни состоит как раз в противоположном...»²¹. Термин «диалектика жизни» здесь употреблен явно не к месту, а если в жизни советского общества действительно шло усиление национального, а не интернационального, как ожидал В. И. Ленин, то не следовало бы подкреплять это ссылками на марксизм-ленинизм. Конечно, национальные чувства в принципе более естественны, они опираются на естественный этноцентризм, на особенности языково-культурной апперцепции в ходе социализации каждого нового поколения, но потакать им довольно опасно. По данным упомянутых выше этносоциологических обследований, интернационалистические установки у национальной молодежи оказались менее выраженными, чем у старшего поколения. И для того, кто хоть раз видел, например, кипящие национальные страсти на бакинском стадионе во время футбольного матча между азербайджанской командой «Нефтчи» и армянской командой «Арабат», даже кровавые события в Сумгаите были, вероятно, не столь уж «неожиданными».

Провозглашенное Конституцией СССР равноправие перед Законом всех гражданам, независимо от «расовой и национальной принадлежности» и «языка», и наказуемость за предоставление «прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам» (ст. 34 и 36) до сих пор не вполне реализованы. Многие аспекты фактического неравноправия или, точнее, неравных возможностей различных национальностей страны обусловлены неравным статусом и прерогативами союзных и автономных республик, автономных областей и обычных областей, что отражается в неравных материальных и духовных благах, приходящихся на душу населения. Эстонцы могут гордиться, например, своим сравнительно высоким социально-экономическим и культурным развитием, а также уровнем благосостояния перед русскими трудящимися соседней Псковской области, но полагаю, что это в значительной степени объясняется не особыми талантами эстонцев, а просто тем, что при примерно равной численности с эстонцами псковичи не имеют союзно-республиканских прав большей автономии, не имеют своего ЦК, Совета Министров, Академии наук и прочих учреждений с престижными и хорошо оплачиваемыми должностями и т. п. Впрочем, и сами народы союзных республик были и остаются неравными как по численности, так и по природным условиям обитания, особенно отражающимися в специфике сельского хозяйства, а также по специфике историко-культурного развития и этническим традициям.

К сказанному необходимо добавить, что национальная (языково-культурная, политико-правовая и социально-экономическая) проблематика сочетается с возникшими в СССР демографическими проблемами и усложняется ими. В послевоенные десятилетия в стране отчетливо выделились национальности с сильно снизившейся рождаемостью и низким естественным приростом (русские и большинство народов Европейской части страны), что привело к прекращению роста трудовых ресурсов и поставило некоторые области на грань депопуляции, и национальности с сохранившейся высокой рождаемостью и очень высоким естественным приростом (коренные народы Средней Азии, многие народы северо-восточного Кавказа и др.), что привело к явлениям трудоизбыточности в соответствующих республиках, тормозит их социально-экономическое и культурное развитие и повышение уровня благосостояния²². Особенно сложные демографо-экономические и социально-культурные проблемы вызваны продолжающимся ростом и переуплотнением сельского населения, численность которого только в Узбекской ССР с 1959 по 1988 г. при слабом приросте посевных площадей и внедрении механизации возросла более чем вдвое (с 5,4 до 11,5 млн. чел.). По ряду причин, в частности из-за сопротивления республиканских властей и местных «ученых», считающих многодетность незыблемой «национальной» традицией, эффективные меры

демографической политики до сих пор не выработаны, рождаемость снижается очень медленно; в силу большой демографической инерции чрезмерно быстрый рост населения будет продолжаться в таких республиках еще по крайней мере несколько десятилетий, что обострит прежние и может вызвать новые проблемы общесоюзного значения. Пропорции национальной структуры в этих республиках и по стране в целом существенно изменятся; достаточно сказать, что численность узбеков уже в первые десятилетия XXI в. превзойдет число украинцев и они станут вторым, после русских, крупнейшим народом страны. Консервативность быта в таких республиках (особенно у сельских жителей) поддерживается сохранившимися установками ислама (также выдаваемыми за «национальные» традиции) и плохим знанием русского языка, объективная потребность изучения которого в связи с развитием национальной инфраструктуры и сокращением инонациональных групп — уменьшилась.

* * *

В настоящее время вырисовываются два основных альтернативных и во многом противоположных пути решения национального вопроса и дальнейшего национально-политического развития страны. Концепция первого из них может быть названа национально-разделительной; она основана на факте национально-государственного устройства страны и на парадигме примата национального в развитии общества, логически продолжает тенденции послевоенных десятилетий и сводится к возможно более автономному развитию («расцвету») наций в пределах своих суверенных национальных республик. В последнее время эта концепция, представляющаяся многим отнюдь не «альтернативной», но единственно возможной, подкрепляется ссылками на вскрытую неспособность центральных органов страны эффективно руководить местной экономикой. В связи с этим выдвигаются предложения о введении республиканской хозяйственной автономии, когда связь с центром сводится к выплате в общегосударственный бюджет определенного «налога», а экономические связи с другими республиками (как и с зарубежными странами) строятся на договорной основе; выдвигаются предложения о введении своей валюты и каких-то таможенных барьеров. Особенно активны в этом направлении сейчас организации Народного фронта в республиках Прибалтики, которых, видимо, привлекает пример успешного самостоятельного развития Финляндии; но такой путь может показаться заманчивым и для национальных деятелей других республик.

Не берусь основательно судить об экономических выгодах такого пути развития, но отмечу, что он сочетается с предполагаемым усилением заботы республиканских органов об укреплении и развитии национального языка и культуры, очевидно, путем сокращения русского языка, как основного языка межнационального общения, и общесоветской интернациональной культуры. Весьма характерно в связи с этим высказывание эстонского литератора Мати Хинта, который утверждает, что изучение русского языка нерусскими детьми замедляет, якобы, их интеллектуальное развитие, «... порой возникает опасность речевых расстройств и так далее» и что «внедрение концепции так называемой интернационализации оказывает неблагоприятное влияние на национальные культуры, на культурный облик Советского Союза как целого» (!?)²³. Проведенные в республиках Прибалтики по инициативе организаций Народного фронта законы об утверждении национальных языков в статусе «государственных», дополняются требованиями об ограничении притока инонациональных групп, об урезывании социальных прав таких мигрантов путем введения республиканского гражданства, о поощрении реэмиграции инонациональных жителей и т. д. Наиболее радикальными, но в общем достаточно логичными представляются призывы к формированию национальных воинских частей и установлению самостоятельных дипломатических и экономических отношений

с другими странами, праву переутверждения законов СССР и т. д., что фактически ведет к дальнейшей дезинтеграции Советского Союза.

Встречающиеся при этом ссылки на письмо-статью В. И. Ленина об «автономизации» некорректны, так как он даже в то время, говоря о *возможности* большей суверенности республик, отнюдь не имел в виду *необходимость*, да еще столь радикальных мероприятий. Следует учесть также, что такой «маневр» в конечном счете не отвечал его основной концепции о сближении и слиянии наций при социализме. Правда, история последних десятилетий принесла много случаев этнических конфликтов в развитых капиталистических странах, но установленные В. И. Лениным закономерности интеграционного развития продолжают действовать. Это хорошо видно на примере стран Европейского Экономического Сообщества, ликвидировавших все таможенные барьеры, допустивших свободную миграцию рабочей силы и реальнодвигающихся к намеченной государственно-политической интеграции. На фоне этого, тенденция некоторых наших социалистических республик к обособленному развитию выглядит каким-то странным анахронизмом, а не прогрессом.

Признаюсь, что мне по-человечески близки многие чувства и стремления латышей, литовцев, эстонцев, а также армян и других национальностей страны. Но с гражданской точки зрения, я не вижу особой необходимости именно сейчас, в период борьбы за реальный социализм выдвигать на передний план не столько перестройку социально-экономической и административно-правовой системы, сколько узконациональные (прежде всего языково-культурные) интересы. Важных и трудных проблем у нас и без того больше, чем хотелось бы. Да простят меня армянские коллеги, выступающие за самоопределение армян Нагорного Карабаха, но, например, судьба каракалпаков, жизнеобеспечение которых оказалось под угрозой экологической катастрофы в Приаралье, волнует меня не меньше, чем это самоопределение. Кроме того, у меня есть и азербайджанские коллеги, от которых я узнал о чувствах их соплеменников и о непримиримости их позиции в вопросе о статусе Нагорного Карабаха. Отделить «национальное» от «националистического» в таких спорах труднее, чем «объективное» от «объективистского», но ясно, что «национальные джины» здесь уже вышли, так сказать, на свободу, поэтому включение Карабаха в состав Армении привело бы не к росту интернационализма, а к необходимости ввести дополнительные (к сожалению, преимущественно русские) воинские части вместо Еревана — в Баку и другие города Азербайджана. Чувство этнической солидарности есть не только у армян. Пусть не обижаются на меня прибалтийские коллеги, выступающие за обособление «своих» республик, но меня беспокоит будущее положение в их республиках инонациональных групп, представленных главным образом русскими, среди которых уже сейчас проявилась оппозиция к деятельности Народных фронтов. Есть опасность, что и там возникнут серьезные национальные конфликты.

Некоторые негативные явления, возникающие при логическом развитии событий по пути национального (национально-республиканского) разделения можно смягчить, например, введением национальных районов, но при существовании административной иерархии их нельзя устранить полностью, а потому кардинального решения национального вопроса на этом пути не предвидится. Подлинную демократизацию здесь обеспечить трудно, так как стремление к расцвету своей нации в пределах своей республики логически связано с понижением статуса инонациональных групп.

В околоисторических публикациях периода гласности неоднократно поднимался вопрос об альтернативах развития нашей страны после смерти В. И. Ленина. К сожалению, большинство таких рассуждений не служит целям определения возможных альтернатив нашего развития в будущем, а именно этого, по моему мнению, требуют задачи перестройки. Сказанное целиком относится и к альтернативам решения национального вопроса, об одной из которых — «национально-разделительной», судя по всему, наиболее вероят-

ной — речь шла выше, а к другой — «национально-интеграционной» следует, как мне представляется, перейти.

Концепция национально-интеграционного пути развития основана на парадигме примата «интернационального» и логически продолжает идеи В. И. Ленина, связанные с преимуществами большого централизованного государства и с возможностью развития процесса сближения и слияния наций. Такая альтернатива явно пугает многих наших авторов, в том числе и С. В. Чешко, который осуждает «интернационалистский детерминизм», называет практическое осуществление идей В. И. Ленина «неосторожным», предостерегает против «абсолютного интернационализма», ведущего к «безэтничности» и т. п. Не знаю, что будет через несколько столетий, но в обозримом будущем «безэтничности» бояться, очевидно, не следует. Что же касается закономерно развивающихся процессов интернационализации, то они по своей сущности прогрессивны. В данном же случае речь идет о том, чтобы уже сложившуюся тенденцию к достижению большей самостоятельности наций за счет расширения функций их республиканской государственности постепенно заменить тенденцией достижения большего равноправия граждан всех национальностей, где бы они ни проживали, т. е. к достижению демократических прав на личностном уровне и к уменьшению возможности использования государственно-республиканских органов для удержания привилегий «коренной» нации.

Мероприятия по практическому осуществлению этой концепции включают решение кадровых вопросов с учетом прежде всего деловых качеств, а не национальной принадлежности, для чего следует изъять отметку о национальности из паспортов и служебных анкет, расширив в последних учет владения языками и сохранив, разумеется, учет национальной принадлежности в переписях населения. Важные стороны национальной политики должны, очевидно, быть отнесены к общегосударственной сфере. Это касается и языковой политики. Централизованное государство в принципе обязано поддерживать распространение основного языка межнационального общения, каковым в СССР является русский, отвергая упреки «националов» в каком-то «шовинизме»; выбор языка школьного образования должен определяться не указаниями республиканских органов, опирающихся на статус «государственного» языка, а демократическим волеизъявлением жителей соответствующих школьных округов; известно, что в Швеции, например, даже отдельная иммигрантская семья имеет право, чтобы ее детей учили на том языке, который они выбирают. В Советском Союзе можно было бы централизованно поддерживать также распространение общесоветской интернациональной культуры; развитие национальной (в том числе, разумеется, и русской) культуры целесообразно, видимо, лишить республиканской поддержки и передать в ведение культурных общин, свободно формирующихся и вступающих в различные ассоциации безотносительно к существующим республиканским границам. Наука по своей природе интернациональна, поэтому нынешнее преобладание у республиканских обществоведов национальной тематики, явно сковывающее ее развитие, должно быть устранено. В экономической области принципу демократического равноправия больше отвечает не хозрасчет национальных республик, а хозрасчет промышленных и сельскохозяйственных коллективов, где национальная принадлежность трудящихся не столь значима. Совершенно ясно, что человек имеет право селиться где угодно и потому всякое ограничение этого права (например, путем введения республиканского гражданства) — недемократично. Что же касается упомянутых выше этнодемографических проблем, то их можно успешнее решить на пути интеграционного, а не разделительного развития.

В целом интеграционный путь развития страны — более сложен, труден и длителен, но он представляется мне более перспективным для развития советского общества. Попытки игнорировать возможность его осуществления и представить национально разделительный путь как единственно возможный — несостоятельны; необходимость его со временем станет более очевидной.

Возможно и заимствование некоторых элементов интеграционного пути для «улучшения» национально-разделительного пути, хотя из-за их противоречивой сущности это может дать лишь временный успех. Сторонники национально-разделительной концепции развития советского общества нередко аргументируют ее тем, что человек, который не любит свой народ, не может любить и другие народы. В чем-то это верно, хотя националисты сильнее других любят свой народ, а от них трудно ждать «любви» к другим народам. Для меня же интернационалист — это не столько тот, кто любит другие народы «наравне» со своим, сколько тот, кто любит других людей вне зависимости от их национальной принадлежности.

Кроме общего национального вопроса в СССР имеются более или менее частные национальные вопросы широкого типа (русский и еврейский) и локального (армяно-азербайджанский, узбекско-таджикский и др.), заслуживающие специального анализа. Однако решение их будет во многом определяться выбором того или иного пути решения общего национального вопроса для будущего развития страны.

Примечания.

¹ Чешко С. В. Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы // Сов. этнография. 1988. № 4.

² См. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

³ См. Старушенко Г. Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике советского государства. М., 1960. С. 71 сл.

⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 40.

⁵ Это показано главным образом в статье «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21).

⁶ См. Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. М., 1941. С. 537—538.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258—259.

⁸ Там же. Т. 24. С. 124.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 268.

¹⁰ Там же. Т. 34. С. 379.

¹¹ Там же. Т. 24. С. 175.

¹² Там же. Т. 24. С. 134.

¹³ Там же. Т. 24. С. 126.

¹⁴ Там же. Т. 30. С. 36.

¹⁵ Там же. Т. 27. С. 256.

¹⁶ Там же. Т. 26. С. 281.

¹⁷ Там же. Т. 24. С. 133.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361—362.

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 52.

²⁰ См. Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического обследования). М., 1986. С. 359 сл.

²¹ Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981. С. 41.

²² Подробнее см. Козлов В. Я. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982.

²³ Хинт Мати. Двуязычие и интернационализм // Дружба народов. 1988. № 5.

В. А. Тишков

О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

Сложившаяся в стране острая и во многом кризисная ситуация в сфере межнациональных отношений, грозящая самому существованию Советского многонационального государства, а не только ходу перестройки, требует осуществления глубоких реформ. Эти реформы должны быть основаны на действительно новых подходах, которые учитывали бы как специфический опыт со-